

Глава 30 (VI)

Сладость растаяла на языке, и аппетит к пресной каше окончательно пропал. Отставив миску в сторону, Му Цинли принялся помогать Му Июаню разбирать припасы.

В основном им прислали вяленое мясо и сушёные овощи — свежего было совсем чуть-чуть, буквально один кусок мяса да горсть зелени. Зато солений не пожалели. Рис и муку в долину доставляли раз в три месяца; видимо, считали, что одному ребёнку много не нужно, и потому не частили. Цинли был ещё мал, так что одежду обычно забирали, стирали, сушили и возвращали обратно — за месяц скапливался приличный тюк. К тому же он быстро рос, и почти каждый месяц ему шили что-то новое.

Присланные обновы вновь оказались тонкими — ткань лёгкая, приятная на ощупь, но совершенно не греющая. Приходилось признать: старейшины не скупилась на качество вещей для Небежденного ребенка, но об их практичности в холода никто не заботился.

В долине Жо не водилось крупных зверей, из которых можно было бы сделать меховую одежду. Даже кролики — и те сплошь самцы! Сколько их ни забивай, на приличный тулуп всё равно не наберётся.

Раздалось громкое урчание. Му Цинли поднял голову. Му Июань, густо покраснев, отвернулся и притворно кашлянул, пытаясь скрыть неловкость.

Глядя на его пунцовые уши, Цинли невольно улыбнулся.

— В маленьком горшочке осталось полпорции каши. Если не брезгуешь доедать за мной — ешь.

— Да нет... — начал было Июань, собираясь отказаться, но в животе снова предательски заурчало. Он вспыхнул ещё сильнее.

— Ешь, давай, — Му Цинли зашёл в дом и обнаружил, что каша уже остыла.

Достав из печи пару угольков, он переложил их в настольную жаровню и поставил горшочек разогреваться.

— Ты что, всё это в одиночку притащил? — спросил он, не отвлекаясь от дела.

— Ну что ты, со мной были дядьки из поместья. Они сложили всё у входа и сразу ушли. — Июань шмыгнул носом. От каши, несмотря на остывший вид, веяло слабым аппетитным ароматом.

— И как же ты вернёшься? — Цинли уже понял, что его гость не из Небежденных детей.

— В следующем месяце уйду, — беззаботно отозвался тот.

— В чём же ты провинился? — Му Цинли помнил по записям предшественников, что иногда людей за мелкие проступки ссылали в долину Жо. Подобные провинности не тянули на суровую казнь, но и оставлять их без внимания было нельзя, поэтому виновных отправляли на «перевоспитание» к Небежденным детям.

— Хе-хе, да пустяки. Просто не хотел, чтобы отец мачеху в дом вёл. Вот и подменил золотых свинок, которых он приготовил для выкупа, на одну жирную жабу.

Июань расплылся в бесхитростной улыбке, а у Му Цинли невольно дёрнулся уголок рта. Можно было не гадать — свадьба явно не состоялась. Какая девица согласится, чтобы её сравнивали с жабой?

— Раз так, занимай соседнюю комнату. В шкафу есть постель, просушишь на солнце — и можно спать. — Цинли помешал кашу и, видя, что та прогрелась, налил гостю полную чашку. — В этот раз привезли сушёную соевую пенку?

Июань, действительно умиравший от голода, принялся за еду, не боясь обжечься.

— Есть! — выдохнул он, прежде чем отправить в рот очередную ложку. — В бамбуковой корзине лежит.

Цинли отыскал в корзине сверток с фучжу, достал пару листов, завернул их и убрал в кухонную корзину, которую подвесил к балке. Следом заметил сушёные ростки бамбука — выудив горсть, он залил их горячей водой. Подумав, решил не мелочиться и высыпал в миску для замачивания все ростки, что были.

— Наелся? — Он обернулся к Июаню, который замер с ложкой во рту, наблюдая за ним.

— А? Да, всё! — тот энергично закивал.

— Тогда иди в ту комнату. Сначала вынеси постель на солнце, потом уберись. Иначе вечером спать будет не на чем, — распорядился Му Цинли тоном строгого хозяина, хотя сам, по правде говоря, понятия не имел, как правильно делать уборку.

— Слушаюсь! — Июань бодро вскочил, сложил посуду в таз, чтобы вымыть позже, и поспешил за Цинли.

Комната долго пустовала, и слой пыли на полу заставил Цинли на мгновение растеряться. К счастью, Июань рано лишился матери и привык к домашней работе. Он быстро принёс ведро воды, обрызгал пол, чтобы не поднимать пыль, вытащил из шкафа тяжёлые тюки и развесил их на просушку во дворе. Вручив Цинли палку, он указал на одеяла.

— Это зачем? — мальчик недоумённо склонил голову.

— Надо взбить их как следует, чтобы стали пышными, иначе спать будет жёстко.

Му Цинли кивнул. Перехватив палку поудобнее, он принялся методично колотить по постели. Раздались глухие ритмичные хлопки.

Июань тем временем дважды протёр мебель и несколько раз вымыл пол. Сложив свои вещи в шкаф, он вышел во двор и застал Цинли за прежним занятием: тот с каким-то странным азартом продолжал избивать несчастное одеяло, а его лицо лихорадочно блестело.

— Нравится? — спросил Июань.

— Угу! Весело! — выдохнул Цинли. Для ребёнка, лишённого любых развлечений, это и впрямь было в новинку.

Но была и другая причина. Каждый удар палки он мысленно обрушивал на тех, кто его бросил.

В его сердце всё же жила обида. Раньше он не знал, как назвать это чувство, но, прочитав сотни книг и дневников других Небежденных детей, понял: тягучая горечь и глухое неприятие, живущие в груди, и есть обида. Обида на мать, которая родила нового ребёнка и забыла о первенце. Обида на отца, который ни разу не навестил его. Обида на Му Цзуньи, который просто взял и умер, оставив его в полном одиночестве.

В долине Жо не было могил. Тела Небежденных детей после смерти предавали огню, а прах уносили за пределы долины. Считалось, что так их души обретают свободу, не желая вечно томиться в этом заточении. Казалось, только смерть была единственным билетом на выход, и потому многие, едва оказавшись здесь, искали конца.

Цинли был другим. Те, прежние, знали тепло родного дома и не могли вынести серости изоляции. Он же был здесь с самого рождения. Его обида не была глубокой раной, скорее — незаживающей царапиной. И Му Цзуньи не был ему родным — скорее учителем, даже не другом. Все знания о мире Цинли черпал из книг.

Он понимал горечь своих предшественников, но не мог постичь их жажды смерти. В одном из дневников он прочёл:

«Сегодня вернулся брат. Матушка рыдала над его прахом так, будто сердце её разрывалось на части. Я не понимал её горя, пока меня самого не признали Небежденным ребенком и не сослали в долину. Лишь тогда я осознал, как мучительно так жить. Но ради её слёз я заставлял себя дышать. А потом она перестала приходить. Неужели она забыла меня? Говорят, она снова ждёт ребёнка. В тот миг я всё понял. Наверное, только умерев, я смогу заставить её вспомнить, что у неё когда-то был и другой сын».

Разве такая жизнь — мучение? Му Цинли так не считал. В конце концов, он никогда не знал материнской любви, а значит, и терять ему было нечего.

— Я закончил, — голос Му Июаня вырвал его из раздумий. — Что на обед?

Цинли отложил палку, разминая затекшее плечо.

— В этот раз привезли сушёную лапшу? Прошлые запасы я уже съел.

Июань покачал головой:

— Нет. Перед моим уходом несколько дней лили дожди, лапшу просто не успели просушить.

— А тесто замесить сумеешь? — Цинли умел варить кашу и рис, но на большее его талантов не хватало.

— Это я умею. И лапшу нарезать смогу.

— Решено. С меня бульон, с тебя лапша. Пообедаем по-человечески.

Цинли изначально планировал просто сварить суп и залить им рис, но домашняя лапша звучала куда заманчивее.

Они вернулись на кухню. Бамбуковые ростки уже набухли, а рыбный бульон на углях стал молочно-белым. Рыба уже отдала весь вкус; Цинли процедил отвар, а бамбук нарвал тонкими полосками. Добавив немного воды, он снова поставил горшочек на огонь. Соевую пенку он нарезал соломкой — её следовало бросать в самом конце.

Пока бульон томился, Цинли во все глаза наблюдал за тем, как Июань работает с мукой. Ему хотелось научиться — когда гость уйдёт, это умение очень пригодится.

«Странно, что в библиотеке так мало книг о кулинарии, — подумал он. — Надо будет попросить, чтобы прислали парочку. А то, чего доброго, прежние Небежденные дети умирали вовсе не от тоски, а просто оттого, что не умели готовить!»

Знай об этих мыслях его предшественники, они бы явились к нему призраками в ту же ночь.

Му Июань взял две миски муки, понемногу добавляя воду. Он ловко месил тесто, пока оно не стало гладким, а миска — идеально чистой. Накрыв её влажной тканью, он оставил тесто «отдыхать» у жаровни.

Через полчаса по кухне поплыл дивный аромат бамбука и рыбы. Цинли усилил жар, добавил соль и перец. Юань тем временем раскатал тесто в тонкий круг, посыпал его кукурузной мукой и, намотав на скалку, довел до идеальной толщины. Сложив пласт гармошкой, он частыми ударами ножа превратил его в ровные ленты лапши.

Они не стали мудрить: бросили лапшу прямо в кипящий бульон, помешали, добавили фучжу — и через пару минут всё было готово. Разлив варево по большим чашам и нарезав немного вяленого мяса, они принялись за еду в полном молчании.

Лапша вышла упругой, бульон — наваристым, бамбук приятно хрустел, а нежная соевая пенка таяла во рту. В сочетании с пряным мясом это был настоящий пир.

Они ели, пока на дне не осталось ни капли. Раздувшиеся от сытости, мальчики перебрались на террасу под деревом и блаженно растянулись в тени, лениво потирая животы.

— Первый раз ем такую вкусную лапшу, — пробормотал разомлевший Цинли.

— Я тоже давно так не наедался, — отозвался Юань.

— Ты много чего умеешь, — Цинли покосился на него.

— Когда над душой нет мамки, приходится учиться всему, чтобы не протянуть ноги, — просто ответил тот.

— А где она... твоя мать? — Цинли вспомнил слова о мачехе.

— Умерла, когда меня рожала. — В голосе Юаня не было ни скорби, ни надрыва, лишь сухая констатация факта.

— Соболезную, — только и смог сказать Му Цинли.

Юань промолчал, лишь помрачнел лицом. Про себя он твёрдо решил: ни одна женщина не переступит порог их дома и не будет указывать ему, что делать.

Цинли не знал, о чём тот думает. Сонливость навалилась тяжёлым одеялом. Он закрыл глаза, подставляя лицо прохладному ветерку, и тихо, удовлетворённо вздохнул.

Как же хорошо. Если бы каждый день был таким...

Листва укрывала их от солнца густой тенью. Двое детей, разомлев от тепла и сытости, погрузились в дремоту, и в какой-то момент их головы коснулись друг друга.

<http://bllate.org/book/17533/1706323>